

дѣлать, когда очутится внѣ его стѣнъ; она бѣжала, какъ плѣнный орелъ, безъ мысли и безъ думы; но во время длинной и утомительной дороги въ Брумъ, подъ темнымъ октябрьскимъ небомъ и одна-одинешенька, она успѣла обсудить свое положеніе.

Оно было невеселое. У нея никого не было въ мірѣ, къ кому бы она могла обратиться, кромѣ мистера Несторіуса, а къ нему она ни за что не хотѣла обращаться. Онъ просилъ ее быть его женой, готовъ былъ посвятить ей жизнь, но она отвергла его; она не могла послѣ того обращаться къ нему за помощью. Ея добрый старый другъ Вернеръ былъ также безпомощенъ какъ ребенокъ; она не могла обременять его собой и ни за что не согласилась бы поселиться у него подъ сѣнью лашмерскаго замка. Ея сильнѣйшимъ желаніемъ было уйти совсѣмъ отъ прежней жизни съ ея воспоминаніями, скрыться, затеряться въ толпѣ, если можно.

Ея главная надежда въ будущемъ была на свое перо. Если Несторіусъ не былъ введенъ въ заблужденіе своей къ ней симпатіей, то она написала книгу, которая, рано или поздно, должна была доставить ей славу и деньги. Она чувствовала въ себѣ способность написать много такихъ книгъ—написать на разные сюжеты. Перо было ея другомъ и повѣреннымъ въ послѣднія семь лѣтъ. Ей было такъ же естественно писать, какъ дышать.

Увѣренная поэтомъ, что рано или поздно будетъ зарабатывать тѣ небольшія деньги, о которыхъ она мечтала съ Бетси Баркеръ, она считала, что ей стоитъ только пережить трудности настоящаго времени, заработать или выпросить кровъ и кусокъ хлѣба. Лашмеръ говорилъ ей, что еслибы не милосердіе его матери, то она была бы, по всей вѣроятности, фабричною дѣвушкой. Но даже и эта мысль ее не пугала. Она готова была работать на фабрикѣ, если только ее возьмутъ въ работницы. А вечера будетъ посвящать литературнымъ занятіямъ. Жизнь будетъ тяжелая, но не безрадостнѣе, чѣмъ въ лашмерскомъ замкѣ.

Но вотъ душистый деревенскій воздухъ, запахъ дикихъ цвѣтовъ смѣшался съ запахомъ дыма и копоти. Огни Брумма замелькали желтымъ пламенемъ на голубомъ фонѣ ночного неба—городъ былъ неподалеку. Некрасивыя окраины большого города, незастроенные пустыри, пространства, заваленныя разнымъ мусоромъ, поля, переставшія быть полями и еще не превратившіяся въ улицы, затѣмъ жалкія предмѣстья съ узкими, грязными переулками, отмѣченныя печатью бѣдности и безысходнаго труда, дрянныя лавчонки, ярко освѣщенные трактиры, фабрики, громадныя и черныя, съ воротами, запертыми на ночь, и погашенными огнями,